

Соус бешамель

СОЛА

И ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Сола
Соус бешамель и
высокие технологии
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64908351

Соус бешамель и высокие технологии:

ISBN 978-5-907379-28-2

Аннотация

Каждый человек проживает свою жизнь, как умеет... Никто не знает, как правильно. Никто не может научить, как надо. Каждый из нас идёт своей дорогой, и самое главное – не сбиться с пути, прислушаться к себе и понять, чего именно хочешь ты сам... Именно такой путь проделали друг к другу главные герои, Кирилл и Женя. Много преград было у них – зримых и незримых, создаваемых другими людьми и своими собственными мыслями... Но они справились... Никто не знает, как сложится их судьба, но первый шаг навстречу друг другу и новой счастливой жизни сделан.

Содержание

1. Один звонок	5
2. Другой звонок	7
3. Будто Женя в отъезде	8
4. Дома	15
5. Рассказ отца	21
6. Женино знакомство	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сола
Соус бешамель и
ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Маме – с любовью и надеждой

1. Один звонок

– Женя, слышишь меня?

– Не очень хорошо, Кирилл...

– Ты всё сделала, как я сказал? Отойди от компа. Что я люблю тебя, слышишь?

– Да, – застенчиво и счастливо ответила девушка, и он тут же её представил: стоит у окна в их маленькой квартирке – тонкая, длинноволосая, хорошая!

– Ты всё купила, что хотела? Я буду поздно вечером.

– Кажется, всё. Скорее бы ты, Кирилл, приехал, мне как-то не по себе.

– Приеду, Женечка, не сомневайся. Когда к тебе придут делать свадебную причёску?

– Завтра в десять. Кирилл! Мне звонила девушка, спрашивала тебя. Я сказала, тебя нет.

– Что ещё за девушка?

– Таня. Коротова, кажется.

– Рысь?

– Она сказала, что придёт. Вот уже в дверь звонит.

– Женя!

– Всё, всё, любимый, я тебе потом позвоню. Слышу тебя хорошо. Ты молодец. Целую.

Кирилл услышал гудки, но не сразу нажал кнопку. Его изобретение, головной телефон или телефон-наушник, ра-

ботало замечательно на расстоянии более трёхсот километров, примерно настолько Кирилл уехал от невесты протестировать его. Завтра он женится, и ему хотелось войти в их общую жизнь с Женей не с пустыми руками.

2. Другой звонок

Заработал телефон-наушник, и невольно Кирилл улыбнулся: Женя делала успехи – догадалась, как набрать его номер.

– Да, Женя. Слышишь меня?

– Кирилл, это я. Слышу очень хорошо, – такого голоса Жени он не знал, хотя кто ещё это мог быть, если опытный образец был только у неё и показывать его другим он настро-го запретил.

– Я сказала, что позвоню. Мне твоя Таня всё объяснила. Я всё поняла, – последние слова Женя сказала уже похожим своим голосом.

– Что ты поняла, Женя? Я уже выезжаю.

– Всё поняла.

Она выключила и сняла с головы телефон. Пожелать ему счастья девушка не отважилась – не хватало ещё разреветься в трубку...

3. Будто Женя в отъезде

Когда Кирилл вернулся, было за полночь. Его невесты уже и след простыл – это было видно с порога. Когда женщина уходит, вольно или невольно она забирает с собой тепло, потому прежнее жильё и кажется бесприютным и необитаемым. Вот и квартирка, что они снимали чуть больше года, тотчас после ухода Жени превратилась в гостиничный номер – чистый, удобный, но чужой.

Кирилл чувствовал свою вину, но не мог понять: почему Женя-то так легко уступила Рыси? Не поверила ему? А Рыси, что бы та ни сказала, поверила?

На глаза попался сотовый телефон Жени – его подарок. Подарки... Ими не баловал Кирилл свою девушку, в их отношениях обошлось без цветов, без обычных ухаживаний, а телефон этот ему пришлось купить, потому что Женин сломался безвозвратно. Да и от этого подарка Женя, стесняясь, отнекивалась...

Брошенный жених искал записку, но ничего похожего не было. Кастрюли с вкуснейшей едой – у Жени всё было вкусно, что ни приготовит – стояли на плите. Его разом затопила грусть-тоска по невесте и горечь. Убежала. Почему не подождала его? Куда прячется от него? Хоть бы ничего с собой не сделала...

Ключи от квартиры лежали посреди пустого кухонного

стола и говорили больше любимых слов. Кирилл включил свет и сел; в открытую дверь кухни полоса света указала на висевшее на дверце шкафа в комнате свадебное платье, которое Женя сегодня (или вчера?) принесла из салона. Они договорились взять его в аренду, и любимая согласилась, хоть ей и хотелось своё платье, но Кирилл считал это пустой тратой денег – и дорого, и больше не оденешь. Женя уступила – она всегда соглашалась. Сейчас, в вынужденном одиночестве, у Кирилла было чувство, будто Женя в отъезде: никогда такого не было, поэтому услужливая сообразительность подсказала ему, почему вдруг он остался один. Жаль только, что приезд Жени не ожидается.

Теперь не будет ничего, кроме пустых забот, потому что деятельная, милая сердцу хлопотунья сбежала, бросила, ушла. Может, хорошо, что сейчас, а не потом? Женя, зачем ты со мной так?

В дверь звонили, потом стучали, но Кирилл сидел, игнорируя вторжение: вряд ли бы Женя билась, если б даже ей угрожала гибель – куда угодно, только не сюда. В жизни он не встречал человека застенчивее, и девушка жила тихонько, деликатно и ненавязчиво. Первое время он не знал, как с ней обращаться: она терялась от его необдуманных слов, а технари не больно-то следят за речью. Позже Кирилл понял, что отчасти это было последствием потери матери: Женя была единственным ребенком в семье и сильно привязана к ней. Это было понятно ему: Кирилл сам потерял отца,

когда был подростком. Обидеть девушку было легко, но от него-то Женя такого не ждала, а то, что она обиделась (или оскорбилась), не вызывало сомнений.

Он открыл дверь рывком – тут же порог переступила Рысь с бутылкой в руке. Как к себе домой.

– Долго открываешь, – на ходу бросила она, проходя в комнату, а затем на кухню, – мы одни, надеюсь? Спал, что ли?

Вопросы Рыси не обязательно требовали ответа, Кирилл знал это, потому и промолчал.

– Стаканов не нашла, – она вышла из кухни, на ходу трянув причёской, – фужеров тоже!

«И не найдёшь», подумал Кирилл хмуро. Женя прекрасно готовила, к спиртному относилась негативно, он и подавно в напитках не разбирался, так что крепче пива в доме ничего не бывало, а его можно пить и из кружки.

– Открой, – Рысь кивнула на принесенную бутылку коньяка, – что стоишь? Есть повод отметить.

Открыть было недолго, Кирилл плеснул коньяка в её чашку, приложился из бутылки сам. Он не ел весь день, думал, приедет, вместе с Женей и поужинают. Слабо подумалось о Жениной стряпне на плите. Как неуловимо изменились декорации! Их квартирка превратилась в чужое постоянное место, слишком большое и дорогое для него; вместо застенчивой Жени мельтешила нахрапистая девка, которую Кирилл видел-то – по пальцам пересчитать! Зачем она здесь, Кирилл

не знал и не интересовался, – достаточно того, что она оставила его одного. Ещё Кирилл не чувствовал к Рыси ненависти, но знал, что она уже в нём. А сейчас надо ему самому измениться, хоть ненадолго, под стать декорациям, иначе произойдёт что-то ужасное и непоправимое.

Жених снова приложился, ещё раз неприятно обожгло внутренности, а Рысь, влив в себя содержимое чашки, помахала перед его носом бумагой:

– Спешила обрадовать, у папы выпросилась.

Это был договор, согласно которому его изобретение будет выпускаться компанией «Коротов-прогресс», то есть отцом Рыси. Он выиграл конкурс! Женечка, куда ж ты делась? Сколько раз он рассказывал, что, возможно, произойдёт, если выиграет конкурс, а девушка слушала, удивлялась, может, и не очень-то верила ему, но сочувствовала и переживала за него. Он победил, и Женя должна быть здесь, с ним!

– Очень хорошо, – бутылкой он чокнулся с её протянутой чашкой и вновь выпил из бутылки. Нестерпимо жжёт – вот уж огненная вода! Примерно ясно, что могла сказать эта... дочь своего папаши Жене.

– Папа сказал, что если эта идея не единственная, то он не против...

Так и есть! Песня о любви друг другу предназначенных исполнилась Рысью вторично, пусть вскользь, но уже не шутя. «Я-то тут при чём?» – хотелось спросить, но хищница не ждала:

– Я привезла твой аванс, – глаза Рыси победно блеснули – вот и прыжок на спину!

Кирилл, видно, уже пьянел, раз вместо благодарности криво усмехнулся и хлебнул коньячку. Не обращая внимания на его состояние, Рысь подошла к нему и положила руку на плечо так, чтобы был виден красивый маникюр:

– Ты зря дуешься, дорогой. Как ни посмотри, я спасла тебя. Успела вовремя.

Дорогой! Вам с папочкой дёшево достался. Во всяком случае, вы слопали и не подавились. Аванс-то отработать придётся. Но расчёт железный – от перспектив и денег Кирилл не откажется. Даже ради Жени (ей бы не пришлось в голову ставить Кирилла перед выбором). Сделает, как требуется.

– Когти, что надо, – сказал он чужим голосом, – художественно.

– Нравится? – оживилась Рысь, – Для тебя старалась. Готова хоть сейчас...

– Влезешь в платье – завтра же... – поправил Кирилл сроки, забыв, что следующий день уже начался.

И вновь Рысь блеснула глазами. Добилась своего! Победительница...

Пока она в азарте примеряла платье – неужели завтра наступит? – Кирилл пил коньяк, стараясь побыстрее потерять чувство реальности. Когда он заметил, что предметы стали чуть-чуть расплываться, а ноги слабеть, почёл это за благо. А когда Рысь, наконец, подскочила к нему – белое навязчивое

пятно – и возбуждённо закричала, вертась перед ним:

– Ну, как я? Мне красиво? Мне идёт?

Кирилл не удивился, как она умудрилась влезть в платье – Рысь была другая. Женя же... У Жени...

Между тем новой невесте приспичило его обнять, а ему было необходимо уединиться в туалете – ситуация комическая, если б его не выворачивало. Запершись, Кирилл судорожно давился рвотой, считая, что виноваты в этом не пустой желудок и коньяк, а духи Рыси, что обдавали его густой душной волной, пока она лезла обниматься...

Проспав чуть не до обеда, полутрезвой головой Кирилл отверг «вчерашнее» своё поведение, как детское и недостойное, но также понял, что вариантов осталось столько же, сколько и было накануне:

– бежать и плевать на всё;

– искать Женю и самому объяснить, что да как;

– «повзрослеть» и принять правила игры благодетеля и почти родственника.

Приехали приглашённые друзья и тем самым отрезали первые два варианта: Кириллу было бы стыдно объяснять, что его сегодняшняя невеста – это не та девушка, с которой он собирался связать свою жизнь, а другая, которая сама пришла, на ходу выдумав, что у них любовь до гроба, – никто не звал, а женится он на ней, потому что обстоятельства сложились так, да и за всё заказанное к свадьбе заплачено вперёд. Пусть отдыхают и думают, что у него всё хорошо,

приехали-то они веселиться, а не выражать сочувствие.

Удачно вышло, что родственников на свадьбе не будет: мама отговорилась, что не успеет приехать, но Кирилл догадывался, что она не хочет оставлять хозяйство на своего лентя-любимого сыночка, тот без неё за пару дней сгноит всё. Сказала, что они лучше выпьют за его и невесты здоровье. Отец Жени ехать на свадьбу отказался наотрез, и девушка, Кирилл знал, переживала из-за этого, но будущий тесть полагал, что не такой человек должен быть с его дочерью. Это было очень досадно, потому что Кириллу-то будущий родственник понравился – настоящий мужик! Такой бы, не слушая, взял Женю за руку и увёл от него. Раз такого не произошло, значит, Кирилл пришёлся ко двору. А может, это было Женино влияние на отца? Стало быть, прав тот оказался – не быть ему с Женей. И ещё была горечь: пожалуй, кроме работников ЗАГСа, никто и не заметит подмены – Женя настаивала не знакомить её ни с кем и не рассказывать о ней никому. Глупенькая, она думала таким образом защититься, как будто можно хрупкость и застенчивость противопоставить грубости и силе...

4. Дома

Когда она приехала без предупреждения домой, отец ничего не спросил. Дочь извинилась, что заранее не позвонила – потеряла телефон, впрочем, он и так плохо работал, звонки совсем не принимал.

– Хорошо, что приехала, – сказал отец потом, когда уже она успокоилась в привычном быту, – я хоть погляжу на тебя. Да и по дому поможешь, я хозяйство маленько запустил.

Сперва она боялась отцовских расспросов, затем, что будет тоскливо в деревне, но две недели дочь только успевала поворачиваться – если бы ещё и вечерами было занятие! На глаза как-то попались нитки мулине, и под настроение Женя вспоминала почти забытое хобби – вышивку гладью. Впрочем, вставать нужно было рано: в семь отец уезжал на работу, Женя с пяти готовила на весь день. Так было и при маме: у той по утрам было высокое давление, и вторая хозяйка с двенадцати лет готовила на семью. Кроме готовки, на ней лежала уборка дома, только после учёбы и этих двух обязанностей шли интересы девочки, которые считались вторичными и рассматривались в рамках хобби. Мама горела на работе, отец вкалывал на своей. Женя обеспечивала необходимый комфорт двум взрослым.

Не в первый раз задавала себе дочь вопрос: как он может жить тут один, без мамы, после её смерти? Жене невыносимо

было оставаться в доме, где мама больше не появится, но где всё привычно дышало её присутствием. В течение шести лет учёбы дочь бывала здесь наездами, на недельку, редко две, а как полюбила Кирилла, приезжала лишь раз – знакомить с женихом. Впервые она тогда почувствовала, как трудно быть между двух любящих мужчин. Отец, помнится, с ходу поинтересовался, когда они поженятся, давая понять, что его дочь не ромашка – оборвал, да бросил; Кирилл заносчиво ответил, что они с Женей сами решат этот вопрос. Решили... Кирилл женился – этого она не ждала. Это придавило. Значит, эта столичная девушка была права? Кирилл совсем не любил её, Женю? Разве так можно притворяться? Зачем ему понадобилось её обманывать? Он боялся её, что ли? Или... или это она любила, поэтому и была согласна на всё, особенно не обращая внимания на мелочи? Но Кирилл сам решил продолжить их случайное знакомство, она не искала с ним встреч, не навязывалась. Он понравился ей сразу, простой и деловитый, но дальше приятельства и взаимных услуг дело не шло, и не нужно было: Женя училась и знала, что не сможет совмещать учёбу, которая была совершенно отдельной, трудной, насыщенной жизнью, с серьёзными отношениями – а других отношений ей не надо! Кирилл то появлялся, то пропадал на месяцы, не доставляя ей ни хлопот, ни горя, потом снова появлялся, занятой, уверенный в себе и вечно голодный. Столько пережили вместе – что ж, всё обман? Не похож Кирилл на злодея...

Девушка разогнулась над грядкой, увидев машину – отец вернулся. Не один.

– Женья, у нас гости, – сказал он, когда дочь подошла, – узнаёшь?

– Нет.

Спутник отца застенчиво улыбнулся.

– Васька я Кошкин, уж будто не признала? – спросил он.

Женья покраснела: Васька был друг детства и свой человек в их семье. Ещё при маме.

– Не признала, Вась, богатым будешь, – извинилась хозяйка, поднимаясь за мужчинами на крыльцо, – как у тебя? Всё хорошо?

– Расписаться с Алёной надумали, придёшь на свадьбу?

– Если пригласишь.

Пока мужчины умывались с дороги, она накрыла на стол и под села к ним. Расспросов не избежать, сейчас Василий начнёт – с детства любопытен. И не виделись сколько! И Васька завел беседу.

– А ты как, Женья? – спросил он между первым и вторым, словно разговор и не прерывался.

Женья пожала плечами:

– Не расписалась. Если ты об этом.

– Вроде, хотела.

– Передумала.

– И батю на свадьбу звала...

Отец в Ваське души не чаял, это правда. На мгновенье в

голове Жени мелькнула догадка: вот если б они с Кошкиным поженились, отец был бы рад. Поглядела на Ваську – Алёнкино счастье – спрятала улыбку.

– За день до свадьбы передумала.

– Во как! И жених передумал?

– Нет. Он женился.

– В тот же день?

– Ну да. Да ты ешь, спросишь ещё, я не убегу.

Васька почесал затылок.

– Так это он передумал жениться?

– Я, – устало ответила девушка, – приехала его невеста, объяснила, что к чему, и я передумала.

– Отступилась, – внёс ясность Василий.

– Можно и так.

– А жених сидел и молчал?

– Его не было. Он был в отъезде. Должен был вернуться.

– Значит, в его отсутствие приехала невеста, поговорила с тобой, и ты передумала – так я понимаю?

– Так.

– И что дальше?

– Я позвонила жениху и сказала...

– А он?

– Попросил подождать его.

– А ты?

– Не стала. Ушла из квартиры.

– Его квартиры?

– Мы снимали вместе около года. И заявление я подавать его не заставляла. Сам предложил.

– То есть сам хотел жениться?

Если б такое спросил не Васька, она бы убила бестактного взглядом, но старого друга испепелять было бесполезно.

– Что-то вроде того, – ядовито ответила Женя.

– А почему ты не дождалась его?

– Мне было противно.

– Возможно, ничего бы не изменилось, и ты вышла бы за него замуж, а невеста эта уехала бы туда, откуда приехала. Тебе не приходило это в голову? Ты ему отомстить, что ли, хотела?

– Он женился, и все «может» отпали. Так-то, Вася. Учись на чужих ошибках, не повторяй, делай свои. Чай или компот?

Женя проводила отца и Ваську до калитки, девушке было смешно: в двух словах она рассказала всю свою боль, а он, друг детства, только поблагодарил за обед, удовлетворив своё любопытство.

Вечером, когда они с отцом отужинали и дочь стала прибирать посуду, тот попросил:

– Посиди со мной, Жень.

Она села рядом, понимая, что настанет время разговора с отцом. Он глянул на неё из-под бровей:

– Сердишься на Ваську?

– Нет. Он не развонит.

– Ты же знаешь, он должен на всё иметь своё мнение, да и человек нам не чужой. Стал спрашивать о тебе, а я ничего не знаю. Вот и увязался за мной, я думал, ты ему обрадуешься.

– Я рада.

– Ты рада! Ты сейчас, как опрокинутая посуда – чистая, красивая, немая – ждёшь своего часа.

– Ты тоже думаешь, что я виновата? – положив голову на руки, спросила дочь о том, что волновало.

– Не бывает в любви правых, – заметил отец, думая о своём, – если любишь, всегда чувствуешь вину. За то, что не успел сделать, постеснялся сказать, поленился или оставил на потом.

– Ты о маме?

– О маме, – вздохнул отец, – о тебе, о себе, о Кирилле твоём. Я ничего не знаю, кроме того, что очень любил твою маму. Ты и представить не можешь, что ей пришлось вытерпеть из-за моей любви. Хочешь, я расскажу, как было у нас, а ты потом мне скажешь, кому легче – ей тогда или тебе сейчас?

По лицу Жени он понял, что дочь готова ловить каждое его слово – не только ему не хватало жены, но и девушке матери. И тема была личная, и не о ней, Жене.

5. Рассказ отца

Я всю жизнь прожил в северном портовом городе М. Если не считать службы в армии, я его не покидал, работал в порту на хорошей должности, был женат. Мне был 31 год, меня любили, я любил – так я думал, пока однажды в гостях не встретил твою маму. Она была совсем молоденькая, как ты сейчас, да ещё хрупкая, очень стеснялась чужих, а чужими были все – она приехала по распределению учительницей в одну из школ города и ничего не имела, кроме места в общежитии и работы в школе.

Я не скрывал своих намерений; не в силах дожидаться случайной встречи, на второй или третий день после знакомства разыскал её, признался и этим очень испугал. Помню, она сказала мне тогда:

– Как вы можете? Вы совсем меня не знаете.

Я был счастлив видеть её – день был удачным, если мы сталкивались на улице; слышать её – пусть даже и упрёки; говорить, но она стала избегать меня, откровенно прятаться, много позже она призналась, что была уверена – я преследую её, чтобы позабавиться её неопытностью и беззащитностью. Может, со стороны это так и выглядело, но если я не видел её хоть мельком, то выходил из себя. Начались ссоры с моей женой, она была недовольна, а я смотрел на супругу и думал – как вышло так, что я связан с хорошей, но чужой мне жен-

щиной? Я помнил наше знакомство, отношения, свадьбу, семейную жизнь, – всё было достойно, поверь мне, но как бы я хотел променять всё это только на то, чтобы твоя мама хоть ласково смотрела на меня – мне этого хватило бы! Знаешь ведь пословицу: «Любить не люби, только ласково смотри»? Из-за взгляда, улыбки, слова я был готов всё поменять. На слова жены я то молчал, то был груб, на работе мне поставили на вид мой моральный облик, начали прорабатывать – время такое было. Я ушёл от жены – мы уже не были семьёй – жил, где придётся, из-за неприятностей стал попивать.

А потом появилась она, в том чужом углу, где я временно обретался, подошла ко мне вплотную (до сих пор помню её пальто, мокрое от снега) и зашипела:

– Ты что с собой делаешь? Тебе не стыдно? Пьян?

Я отрицательно качнул головой и спросил, что ей надо.

– Как что! – запальчиво воскликнула она, – соскучилась.

Что с тобой, командир? Приди в себя. Я так хочу.

И она своей нежной холодной ладошкой провела по моей небритой морде. Я целовал её, забыв, что обнимаю почти ребёнка, а она была ошеломлена. На краткий миг я почувствовал, что она со мной – значит, несбыточное возможно? Мне ничего не стоило тогда сделать её своей в известном смысле, и она это прекрасно понимала – мы были одни, а в моих руках она была не сильнее пылинки – но я выпустил её, напомним, что ей, кажется, пора. Она смутилась, но вновь напонила:

– Не пей больше просто так. У тебя всё должно быть хорошо. Если любишь, сделаешь.

Я полез целоваться, и вновь она была доступна. Мне стало ясно, что у нашего соглашения с её стороны недюжинное обеспечение. Я хотел бы оскорбиться, но не мог. И отказаться от неё по своей воле я тоже не мог. То, что предлагала мне она, было не совсем то, но и немало. Я согласился, мысленно принося ей все клятвы верности, какие бы пытки она мне не выдумала.

В несколько месяцев я восстановился на прежней работе – это было нетрудно, а вот в семью не вернулся, настаивал на разводе. Через полгода меня с женой развели, только твоей мамы уже не было в городе...

Она не обманывала меня, напротив, всячески поощряла: перестала прятаться, раз мы даже ходили в кино. Она сперва настаивала, чтобы я вернулся к жене, но, целуя её, я как-то спросил, как она может это требовать, зная, что я люблю её, и она уткнулась лицом мне в плечо, ничего не ответив. Мне показалось, что я добился взаимности и тем был горд и счастлив.

К началу весны она сказала мне:

– Завтра, командир, прощальная гастроль. Вот адрес. Жду тебя.

И впервые в жизни сама меня поцеловала. Я не стал возражать насчёт прощания – я-то не собирался с ней расставаться...

На следующий день я появился по указанному адресу – это было не в городе; я нашёл деревянный старый дом, на стук мне открыла она сама, впустила и сказала, что мы одни...

Весь день мы были вместе до позднего вечера, но и тогда я не хотел уходить от неё. Я был первым её мужчиной и постарался, чтобы она поняла, как я её люблю. Теперь мне тягостна была мысль, что она терпит меня или пересиливает себя, чтобы честно выполнить наш уговор. Сколько раз я ей говорил о своей любви, но ответа так и не получил. Она сдержала своё обещание – и только. Появилось у меня перед ней чувство вины (только тогда), понемногу я начал думать не только о своих страданиях, но и об её чувствах тоже. Мне совсем не хотелось оставлять её одну – а она настаивала – будь я свободен, я бы сунул её к себе за пазуху и ушёл, куда глаза глядят...

Я должен был во что бы то ни стало развестись, чтобы жениться на своей любимой. Если твоя мама думала, что я отстану от неё, получив, что обещано, она просчиталась. Наоборот, я стремился заявить на неё свои права.

Почти сразу после нашего свидания меня отправили в служебную командировку на неделю; вернувшись, я её не нашёл. Ни в общежитии, ни на работе её не было, никто не хотел говорить, где она, лишь моя старшая сестра, остановив мои безуспешные поиски, зло бросила мне:

– Затравили... Из-за тебя. Если ты мужик, набей морду

завроно.

Моя семья – родители и три сестры – перестали поддерживать со мной отношения, как только я ушёл от жены, и то, что сестра дала совет, что-нибудь да значило.

Увидев завроно, а точнее, его масляную рожу, я понял, на что намекала сестра, если намекала. Поймав мой взгляд, он тоже что-то понял. Но всё же он оказался мужиком – мордобитие сошло мне с рук, а могли б и посадить. Зато я узнал, где твоя мама – законопатели её на север хорошо, а сестра в моё отсутствие добилась перевода её на вакансию.

Какая это была глушь, ты себе не представляешь. Не посёлок, не населённый пункт, лишь станция в лесу. Школой назывался небольшой сарай, а учеников было пять или шесть – дети работников по найму, что работали на лесозаготовках. Жила она в половине барака, а в другой – эти самые работники. Потом она призналась, что на третий-четвёртый день у неё украли деньги со стола, и она голодала.

Я появился более, чем вовремя – это я понял сразу. По её реакции я также догадался, что она не чаяла увидеть меня ещё раз. Я обнял её, и она, глотая слёзы, говорила, что в душе согласилась, когда её удалили с моих глаз – так будет лучше, особенно мне; что каждый день она думала обо мне, не натворил ли бы чего, – и ждала, и гнала саму мысль обо мне! Я пьянел от её слов и терял голову, хотя думал, что давно её потерял. Стараясь её успокоить, я оторвал её заплаканное лицо от своего плеча и спросил с болью:

– Что ж, ты учишь литературе, а про любовь ничего не понимаешь? Ты у меня одна на всю жизнь.

Но она ещё больше расплакалась, и уже мне нужно было говорить – это было начало нашего времени, которое не закончилось (и не могло закончиться) с её смертью.

Мы уехали оттуда, когда закончился учебный год, вернулись в М., расписались и покинули север ради этого места, куда маму моя старшая сестра оформила по переводу, а я работал сперва в леспромхозе, потом в лесничестве. Не сразу, но построили этот дом; ты родилась – тоже из-за маминного нездоровья были преграды, и обследовалась она, и лечилась, но помню, мама твоя в минуту подступающего отчаяния улыбнулась мне:

– Мы с тобой ничего не делали, как положено. Что ж ты врачей слушаешь? Такие ж люди.

И оказалась права: родилась ты, раньше времени и малюсенькая, и несколько месяцев мы только прислушивались – дышишь или нет – настолько удивительным нам было твоё рождение после нескольких выкидышей и мертворождённых младенцев...

Когда мама заболела – если б я не любил её, то тогда бы полюбил: такого мужества перед болезнью, а потом и смертью я никогда не видал и не ожидал от неё. Так умереть я мечтал бы сам. Вновь она мне указала путь, даже умирая, заботилась и о тебе, и обо мне.

Только раз рассказывал я о маме и себе то, что тебе гово-

рю. Ты должна знать, кто ты, чья дочь, знать, что мама не боялась жить, была любима, хоть и много неприятностей и горечи было ей от моей любви. Благодаря ей и я был человек, а не так, не пойми что.

Теперь подумай, Жень, хоть что-нибудь похожее чувствовала ты со своим Кириллом или он с тобой? Если так, то он твой, а ты его. Неважно, что свадьба расстроилась или на тебя косятся, а тебе обидно. Бывает, что чувство важнее. Сильное чувство. Не подобие. Не имитация. Понимаешь?

Но дочь, ошеломленная рассказом, молчала, понимая пока лишь одно: если ей по наследству от отца и матери досталась способность любить вечно и вопреки, она задушит, убьёт эту способность.

6. Женино знакомство

Удивительную историю поведал ей отец, неслыханную. Всю свою жизнь Женя видела в маме учительницу, маму, подругу, а не возлюбленную отца. Тот в Жениных глазах всегда был работник, хозяин, добытчик, человек дела, а не слова, и дочери в голову не могло прийти, что у него была другая жизнь, другая семья, высшее образование, наконец! И ни за что бы она не поверила, если б не слышала сама, как рассказывает о любви этот немолодой крепкий мужчина. Всю жизнь Женя думала, что они местные: она-то здесь родилась, выросла, и к родителям отношение у деревенских было, как к местным, а не пришлым – одна мама-учительница чего стояла! Да и отец не отстал.

Первое время Женя погрузилась в историю своих молодых родителей, многократно её прокручивая, припоминая, стараясь найти несоответствие или фантазии отца – печалился о матери тот неліцемерно. В её жизни и мама, и папа выглядели совсем иначе: старше, строже, основательнее, совсем не романтичными, как в рассказе отца. В маме, например, не было никакой утонченности, на которой настаивал отец, наоборот, прозаичнее, проще и юморнее женщины трудно было бы сыскать – это подтвердил бы любой в деревне, кто хотя бы дважды разговаривал с ней. Глядя на мать, девочка впервые и стала пытаться готовить – лет девять ей

было, не больше. Мама не учила её специально, лишь показывала, как надо. У Жени ничего не выходило: и к тесту руки по локоть прилипали, и тонкие печенья становились толстыми и горькими, а сколько раз её пугала расшумевшаяся каша! Мама пробовала всё, что мастерила девочка, и хвалила, а ей, Жене, было стыдно до слёз своих трудов.

И, конечно, Женя не могла видеть в маме хрупкую, застенчивую девушку, которой в своё время пленился отец, потому что к тому моменту, как девочка стала себя сознавать, мама была красивой статной женщиной с прекрасными волосами, нежной улыбкой и материнскими всевидящими глазами. И громким, звучным голосом.

Рассказ о маме был редким подарком, как прикосновение к волосам ладони той, чьё незримое присутствие согревало этот добротный дом. Не только отец тосковал по маме! И Жене не хватало её насмешливого разговора, сочувствия, поддержки. И само собой вышло, что история о маме и папе вошла в душу дочери как откровение.

Несколько спустя Женя стала сравнивать историю родителей со своим знакомством с Кириллом. Её проигрывала, особенно финал.

У них с Кириллом было не так. Спокойнее, проще, обиходнее, что ли, без страстей, по-бытовому. Попросту говоря (как если бы ответить на прямой вопрос Васьки), молодой человек, Кирилл, то есть, оказался равнодушен к её стряпне – сейчас, издали было отчётливо видно, что именно это

перевесило все остальные Женины достоинства. Отчего же сейчас-то она это углядела? А раньше? Раньше Женю это не волновало, настолько упоительно развернулась жизнь: наконец-то кто-то её полюбил, кроме мамы и папы!

Мама умерла не разом, не скоропостижно, о болезни Женя знала, но к потере всё равно была не готова, и коротнуло её незаметно – Женя перестала смеяться, улыбалась, но не смеялась. Она сама обратила на это внимание, когда Кирилл своим простодушием сумел рассмешить её. А дело было так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.